

МАКСИМОВИЧ ЖЕЛЬКО

РОССИЯ БУДУЩЕЕ 8

Желько Максимович
Россия Будущее 8

«Автор»

2026

Максимович Ж.

Россия Будущее 8 / Ж. Максимович — «Автор», 2026

Футуристическая антиутопия о мире будущего, где человечество живёт под землёй, подчиняясь всевидящей системе Паутина. Главный герой, проектировщик квантовых материалов, впервые за 38 лет выходит на поверхность и сталкивается с реальностью, которая не соответствует его представлениям о мире. В центре повествования — история выбора между комфортом предсказуемости и свободой неопределённости. Через призму личных воспоминаний героя раскрываются темы памяти и забвения, реальности и симуляции, индивидуального выбора в мире тотального контроля. Особое место занимает исследование Фазных Реальностей — загадочных пространств, где стираются границы между прошлым и будущим, сном и явью. Автор создаёт многослойную картину мира, где каждый выбор имеет цену, а свобода оказывается не столько состоянием, сколько постоянным решением.

© Максимович Ж., 2026

© Автор, 2026

Желько Максимович

Россия Будущее 8

Технологический рывок: ставка, которую нельзя не сделать

У истории есть одно жестокое правило: она не спрашивает, готов ли ты. Она просто идёт дальше — с теми, кто успел.

Сегодня мир стоит на пороге новой эпохи. Не очередного витка конкуренции, а смены самой её логики. Кто первым обуздает технологии следующего поколения — тот перестанет догонять и начнёт диктовать. Не ценой силы, а ценой превосходства, которое невозможно догнать вдогонку: пока одни копируют вчерашнее, другие уже живут в завтрашнем.

Россия может стать этим лидером. У неё есть для этого всё, что не покупается за деньги: школа фундаментальной науки, инженерная культура, привычка решать задачи, от которых отступаются другие. Но потенциал — это только семя. Оно не прорастает само.

И здесь — главное. Рывок не делается наполовину. Нельзя «немного» опередить эпоху. Либо ты задаёшь правила, либо играешь по чужим. Либо создаёшь технологии, которые становятся мировым стандартом, либо всю оставшуюся жизнь платишь за чужие лицензии, чужие чипы, чужие решения — и чужую волю.

Если Россия не сделает этот шаг — его сделает кто-то другой. И тогда вопрос будет уже не о лидерстве. Тогда это будет война с историей — и в ней не бывает ничьей. Проигравший не получает второго раунда: он получает место в учебнике, которое ему определили победители.

Но у этой истории может быть другая развязка.

Технологический рывок — это не про громкие слова. Это про решения, принятые сегодня: про науку, которую перестают финансировать по остаточному принципу; про инженера, который не уезжает, потому что здесь интереснее; про школьника, который мечтает не о чужом будущем, а о своём. Про волю — не ждать, пока станет ясно, а определять, каким это «ясно» будет.

Один народ, одна цель, одно окно возможностей. История не даёт много времени на раздумья. Она даёт ровно столько, чтобы успеть — или не успеть.

Выбор прост. И он делается сейчас.

Технологии, что пишут будущее: хроника по десятилетиям

Каждое десятилетие выбирает свои технологии — и потом эти технологии выбирают, каким будет мир.

В книге я попробую пройти этот путь без спешки: десятилетие за десятилетием, слой за слоем. Не как список изобретений, а как хронику того, как человечество училось новому — и как это новое меняло его самого.

2030 — Эпоха Пере сборки Мира

Роботизация производства и экономии

Фабрики перестают быть местом приложения человеческих рук. Роботизированные линии становятся самообучающимися: они не «выполняют инструкции», а оптимизируют поток — сырьё, энергию, логистику, брак. Экономия возникает не от дешёвого труда, а от устранения потерь: нет простоя, нет склада-балласта, нет человеческой усталости.

3Д-печать

От прототипа — к основному производству. Деталь печатается там, где она нужна, а не там, где дешевле сборка. Логистика укорачивается, склад превращается в «цифровой банк моделей».

Модульное производство

Заводы становятся конструкторами: любой продукт собирается из стандартных модулей, как из деталей конструктора. Замена модуля — это замена узла мира. Ремонт становится заменой, а не восстановлением.

Разрыв всех мировых торговых путей

Глобальные цепочки поставок — длинные, хрупкие, зависимые. Их разрыв не катастрофа, а освобождение: страны переходят на близкие, региональные, воспроизводимые источники.

Закрытие открытой мировой экономики

Каждый — в своём пан-регионе. Это не изоляция из бессилия, а архитектурная защита: регион производит критический минимум сам, а обмен становится стратегическим выбором, а не вынужденной зависимостью.

2040 — Эпоха Квантового Субстрата

Русские квантовые процессоры

Кубитная архитектура выходит за пределы лаборатории. Вычисления перестают быть «быстрыми» — они становятся принципиально иными: задачи, неподъёмные для классических машин (молекулярный дизайн, оптимизация логистики, криптография), решаются как естественная функция среды.

Вместо интернета — Русская Квантовая паутина

Это не «быстрее» интернет. Это другая физика связи: квантовая запутанность вместо маршрутизации пакетов. Следствие — невозможность перехвата без разрушения сигнала, мгновенная согласованность узлов, устойчивость к физическому обрыву каналов.

Полный переход на атомные станции на быстрых нейтронах

Здесь проект опирается на реальную инженерную основу. Реакторы на быстрых нейтронах с замкнутым топливным циклом (БН-800 уже работает на Белоярской АЭС, БН-1200М планируется к строительству как 5-й энергоблок Белоярской АЭС) позволяют использовать не ~3%, а порядка 30% потенциала ядерного топлива — превращая обеднённый уран и отработавшее топливо в новое горючее. БРЕСТ-ОД-300 (свинцовый теплоноситель, Северск) и исследовательский МБИР (Димитровград) — прототипы этого перехода.

Смысл эпохи: энергия перестаёт быть ресурсом, за который борются, и становится инфраструктурой, как воздух.

Разработка квантовых материалов

Материалы проектируются не перебором, а квантовым расчётом: сверхпроводники при комнатной температуре, метаматериалы с заданными оптическими свойствами, покрытия с нулевым износом.

Рецикл отходов

Отход — это не отход, а необработанное сырьё. Замкнутость цикла становится нормой: что произвела одна отрасль, потребляет другая.

Русский Квантовый софтвер

Четыре столпа: безопасность (невозможность подмены данных), достоверность информации (проверяемость каждого факта), стабильность (среда, которая не падает), креативность (инструмент генерации нового, а не только исполнения).

Социальная революция: человек — архитектор своей судьбы

Здесь меняется сама антропология труда:

- отказ от фиксированной работы по времени — результат важнее часов;
- свободное рабочее время — человек сам определяет ритм;
- свободное движение между компаниями, местами, идеями;
- идейные социальные группы как основная единица общества вместо формальных коллективов;
- борьба за умных, одарённых, креативных людей — конкуренция смещается с ресурсов на талант.

Квантовый ИИ

ИИ, работающий на квантовом субстрате, перестаёт быть «инструментом ответов» и становится средой мышления: он моделирует сложность напрямую, а не приближает её.

2050 — Эпоха Полной Интеграции

Квантовая паутина по всей России (отказ от мирового интернета)

Полное покрытие территории: от Калининграда до Курил, включая Арктику и труднодоступные районы. Это не «локальная сеть» — это самодостаточная цифровая цивилизация со своей архитектурой доверия.

Развитие биоинжиниринга

Биология становится инженерией: конструирование организмов, тканей, ферментов под задачу — от промышленного синтеза до экологической реставрации.

Генная медицина

Лечение переходит от «устранения симптома» к правке причины: редактирование генома, персонализированная терапия, предупреждение наследственных заболеваний.

3Д-печать в строительстве

Дома печатаются: быстро, из местных материалов, по проекту, адаптированному к климату и рельефу. Города растут не «этапами», а приращением.

2060 — Эпоха Квантового Господства

Русские квантовые процессоры 2-го и 3-го поколений

Каждое поколение — не просто мощнее, а иначе устроено: от кубитов к топологическим и фотонным архитектурам. Масштабируемость становится инженерной, а не научной проблемой.

3Д-печать одежды, автомобилей, самолётов, техники

Конечный продукт — целиком печатный. Производство максимально приближается к точке потребления: транспорт печатается в депо, техника — на месте эксплуатации.

Полный рецикл всего производства

Цикл замкнут целиком: ни один материал не выбывает из оборота. «Мусор» становится историческим понятием.

Квантовая паутина отслеживает движение каждого жителя

Это точка, требующая честного разговора. Такая система — это одновременно абсолютная безопасность (никто не потеряется в тайге, не пропадёт без помощи) и абсолютный надзор. Реализация этой идеи напрямую зависит от того, кому принадлежит доступ к данным, как он ограничен законом и как защищён от злоупотребления. Технология здесь нейтральна; этика — нет.

Квантовая паутина не допускает происшествий на дорогах

Квантовые сенсоры на каждой машине и самолёте образуют единое поле предвидения: транспортные средства «видят» друг друга заранее и синхронизируются. Авария становится вычислительно невозможной.

nГ — неограниченная скорость паутины

Скорость связи перестаёт быть ограничением вообще: расстояние исчезает как фактор задержки.

Отказ от денег и банков

Деньги — это мера дефицита и посредник недоверия. В мире изобилия энергии, материалов и мгновенной связи распределение становится прямой функцией потребности и заслуги, а не торга. Это самая радикальная и самая спорная точка всей хроники: она требует не технологии, а новой социальной договорённости о справедливости.

2070 — Эпоха Выхода за Пределы Земли

Русская база на Луне

Постоянное присутствие: добыча ресурсов, научные полигоны, топливные депо для дальних маршрутов. Луна — плацдарм, а не витрина.

Космический лифт

Геостационарный трос превращает выход в космос из события в рейс. Стоимость доставки на орбиту падает на порядки.

Новые квантовые материалы

Материалы, полученные в невесомости и вакууме: идеальные кристаллы, сверхпрочные композиты, сплавы без гравитационной сегрегации.

Космический туризм

Орбита и Луна становятся доступным маршрутом для многих, а не привилегией единиц.

Квантовые голограммы

Связь обретает телесность: собеседник присутствует в объёме так, будто стоит рядом. Дальняя коммуникация впервые перестаёт быть «плоской».

2080 — Эпоха Био-Гео-Синтеза

Полностью генная медицина

Лекарство — не таблетка, а программа под конкретный генотип человека: терапия, собранная по индивидуальному геному, а не усреднённая по популяции.

Использование энергии Земли (Земля как большой конденсатор)

Планета рассматривается как энергетическая система: тектоническое тепло, градиенты температуры, магнитное поле, приливные силы — всё становится источником. Речь не о «выкачивании», а о согласованном обмене энергией с планетой.

Морские города

Города под океаном и на шельфе: автономные, снабжаемые энергией градиентов и течений, использующие океан как среду, а не как преграду.

Подземные города

Города под Землёй: защита от внешних угроз, стабильный климат, доступ к глубинному теплу. Геотермика превращает недра из «могилы» в «дом».

2090 — Эпоха Живого Производства

Био-процессоры

Вычисления на биологическом субстрате: невероятная энергоэффективность, способность к саморемонту и самообучению.

Дети, выращенные в инкубаторах

Точка этического напряжения. Технология снимает риски вынашивания и наследственных патологий, но поднимает вопрос о самом смысле рождения, родства и родительства. Как и всё в этой хронике, это вопрос не можем ли, а на каких основаниях и с какими гарантиями достоинства.

Генетически улучшенный новый вид человека.

3Д-печать еды

Питание печатается из базовых нутриентов: произвольная форма, состав, вкус, текстура — при полном контроле качества.

Био-строительство и био-материалы

Здания растут, а не строятся: живые конструкции, которые сами растут, ремонтируются и адаптируются к погоде.

3Д-печать внутренних органов человека

Орган печатается из собственных клеток пациента — без донора, без отторжения, без очереди. Трансплантация становится рутинной, а не событием.

Био-софтвр

Программы, которые живут, размножаются и эволюционируют внутри биологической среды.

Био-агенты — средняя продолжительность жизни 200 лет

Постоянные симбионты в организме человека: поддерживают здоровье, ремонтируют ткани, корректируют метаболизм. Болезнь и старение перестают быть неизбежностью.

Био-роботы, био-голограммы, био-ИИ

Машины, голограммы и интеллекты — на биологической основе: гибкие, само ремонтирующиеся, эволюционирующие, встроенные в живую природу, а не противостоящие ей.

2100 — Эпоха Фазных Реальностей

Открытие фазно-сдвинутых реальностей

Первые русские колонии в фазно смещённых реальностях: там живут люди, похожие на нас, иные биологические цивилизации, множество пустых пространств и многообразие форм. Человечество впервые получает не новую планету, а новое измерение бытия.

Развитие Био-паутины

Квантовая паутина 2040-х вырастает в био-паутину: живая, самоорганизующаяся, ошущающая связь между людьми, городами, организмами и планетами.

Синтез науки, эзотерики, магии и религии

Финал спирали: то, что тысячи лет казалось враждующими способами познания, обнаруживает общий корень. Наука описывает механизм, религия — смысл, эзотерика и магия — способы взаимодействия с тонкой стороной реальности. Синтез — не отказ от рациональности, а расширение её границ.

Множество разных био-ИИ

Не один «единый разум», а экосистема интеллектов: разные, несогласные, дополняющие друг друга. Плюрализм становится итоговой формой разума.

Глава 1. Никогда (2100, Фазная Реальность)

I. Трава цвета выключенного экрана

Он лежит.

Это первое, что он знает наверняка — положение тела в пространстве, горизонталь, земля под лопатками. Всё остальное приходит позже, с усилием, как всплывающие из мутной воды предметы: небо, облака, запах влажной почвы, который не совпадает ни с одним синтетическим ароматизатором подземного города.

Трава под ним — странного оттенка. Не мёртвая, но и не живая в том смысле, в каком он привык думать о живом. Зелень выцветшая, почти серая, словно кто-то убавил насыщенность

на несколько делений. Трава цвета выключенного экрана. Он смотрит на неё сбоку, щекой прижатый к земле, и думает: бывает ли вообще такой цвет? — и сразу же понимает, что это неправильный вопрос. Правильный звучит иначе: почему я здесь?

Над ним небо.

Он не видел настоящего неба с тысячи девятьсот — нет, нет, это неправильно, он путается в датах, в веках, в системах летоисчисления, которые менялись трижды за последние полвека. Он не видел настоящего неба давно. Может быть, никогда. Подземный город не предполагает неба — только своды, панели, люминесцентный рассвет, запрограммированный на шесть часов двадцать три минуты и закат, который никогда не бывает красным.

Небо здесь нарисовано чужой рукой.

Он понимает это не разумом — разум ещё не включился, ещё бредёт по каким-то внутренним коридорам, зажигая свет в пустых помещениях, — а телом, позвоночником, тем животным чутьём, которое в две тысячи сорок первом году оказалось острее любого аналитического алгоритма. Облака движутся неправильно. Они плывут рывками, с паузами, будто кто-то перелистывает страницы альбома с фотографиями: вот облако-1, пауза, вот облако-2, пауза, вот облако-3. Между рывками — мгновения полной неподвижности, в которые мир держит дыхание.

Кто-то листает.

Он встречал такое раньше. В симуляциях — когда рендер не поспевал за вычислительной мощностью и атмосфера начинала лягать. В снах — когда мозг экономил на деталях, генерируя только то, что попадало в фокус внимания. И ещё — здесь, по ту сторону фазного сдвига, в тех редких случаях, когда реальность начинала сбоить по причинам, которые ни один инженер так и не смог объяснить достаточно убедительно.

Фазный сдвиг.

Это слово всплывает само — как всплывает название улицы, по которой давно не ходил, когда оказываешься на ней снова. Привычно, без усилия, с тем лёгким удивлением, что оно всё ещё существует в памяти. Фазный сдвиг — термин из технической документации проекта «Паутина», который давно вышел за пределы технической документации и стал обиходным словом, как когда-то «интернет» или «облако». Каждый житель подземного города знал, что это такое, хотя мало кто понимал механику. Каждый знал, что бывают места — и моменты — где реальность истончается и начинает пропускать сквозь себя то, чего не должно быть.

Он в одном из таких мест.

Или — и это мысль более неприятная, более точная — одном из таких моментов.

II. Жена, которую он не помнит

Её зовут — он не знает, как её зовут.

Это не провал памяти в обычном смысле. Не та разновидность забывания, когда имя вертится на языке, но не даётся; не та, когда знаешь, что знал, и злишься на собственный мозг. Это другое. Это — отсутствие, чистое и геометрически правильное, как дыра в листе бумаги. Он знает, что у него должно быть это имя. Знает, что место для него существует — вот здесь, в этой ячейке памяти, между запахом её волос и звуком её шагов по деревянному полу. Но сама ячейка пуста.

У него есть жена.

Он знает это так же определённо, как знает, что трава под ним настоящая — не синтетика, не голограмма, не тактильная симуляция последнего поколения. Знает на уровне, который предшествует словам: на уровне привычки, рефлекса, той тихой уверенности, с которой поворачиваешься ночью к человеку, который спит рядом с тобой уже много лет. Она существует. Она реальна. И он её не помнит.

Зато помнит дом.

Это самое странное — и самое невозможное. Потому что он никогда не жил в доме. Он рождён в капсульном блоке секции Д-7, вырос в студенческих ячейках, работал в офисных узлах, и его самый большой личный объём был восемнадцать квадратных метров с раскладной стеной. В подземном городе не бывает домов в том смысле, какой вкладывали в это слово люди двадцатого века. Там бывают модули, блоки, секции, ячейки — нет домов.

И всё же он помнит этот дом.

Деревянные полы — настоящее дерево, не ламинат, не печатная имитация, а дерево с теплом и неровностью, которые чувствуешь пятками. Высокие потолки, белёные известью, с трещиной в правом углу, которая каждую осень немного расширялась. Окно на восток, через которое утром приходило настоящее солнце — рыжее, горячее, равнодушное к расписаниям. Запах варёного кофе из кухни. Звук её шагов по деревянному полу.

Он помнит её шаги, но не её имя.

Он никогда тут не жил. Он уверен в этом так же твёрдо, как уверен в дате своего рождения, в номере своего идентификационного кода, в формуле фазного сдвига, которую вызубрил в первый год работы. Это невозможная память — память о жизни, которой не было. О доме, которого нет. О женщине, чьё имя украдено из ячейки, где оно должно лежать.

III. 2041: первый побег

Он выходит из офиса в семнадцать часов четырнадцать минут.

Паутина фиксирует это без эмоций — просто запись в журнале перемещений, один из восьми миллиардов ежесекундных импульсов, которые она обрабатывает и сортирует. Идентификатор 7-Д-441-Марко, выход из узла 19, коридор В, направление — транспортный терминал, согласно расписанию. Ничего необычного. Ничего, что требовало бы флага.

Паутина не фиксирует то, что происходит внутри.

А внутри — тишина.

Не та тишина, которую он знает: тишина капсулы между командами, тишина ночного режима, тишина сосредоточенной работы, когда внешний шум отступает и остаётся только задача. Другая тишина. Тишина как решение. Тишина как момент, когда осознаёшь, что чего-то больше нет — не потому, что оно исчезло, а потому что ты только что понял, что его никогда не было.

Тридцать восемь лет расписания.

Он думает об этом, шагая по коридору к транспортному терминалу. Тридцать восемь лет — не считая первых семи, которые не считаются, потому что в семь лет расписание ещё пишут другие. Тридцать восемь лет: подъём, питание, перемещение, работа, перерыв, работа, питание, перемещение, сон. Паутина шепчет это расписание в имплант за ухом — мягко, нейтрально, без интонации, как диктор на мёртвом языке. И он всегда слушал. Всегда.

Потому что расписание — это порядок.

Потому что порядок — это безопасность.

Потому что безопасность — это...

Он останавливается посреди коридора.

Восемь миллиардов человек движутся по расписанию, и все они в безопасности, и никто из них не счастлив способом, который имеет значение. Он стоит и думает об этом — секунду, две, три, — и поток людей огибает его, как вода огибает камень, и никто не смотрит на него, потому что смотреть на остановившегося человека не предусмотрено расписанием.

Потом он поворачивает не туда.

Не к транспортному терминалу. Не домой. Просто — не туда, куда должен был. Коридор Г вместо коридора В. Потом лестница вместо лифта. Потом служебный проход, которым он никогда не пользовался, хотя видел его каждый день. Потом — ещё один поворот, и ещё один, и постепенно он понимает, что идёт не куда-то, а — от.

Паутина молчит.

Это странно. Она должна была уже сигнализировать — отклонение от маршрута, запрос подтверждения, мягкое напоминание о расписании. Но она молчит. Либо он нашёл слепое пятно в её архитектуре — что маловероятно, — либо Паутина позволяет ему уйти. Что ещё более маловероятно и значительно страшнее.

В два тысячи сорок первом году он впервые вышел из офиса и не вернулся.

И только двадцать три года спустя — в 2064-м, в той ночи, которую он называет про себя «ночью без расписания» — он понял, что Паутина знала об этом заранее.

IV. Здесь, в 2100-м

— Ты уже был здесь, — говорит женщина. — Просто каждый раз выбираешь забыть.

Он слышит её голос раньше, чем видит её.

Она берёт его за руку — и это прикосновение настоящее, не фазное, не симулированное: тепло, вес, давление пальцев, которые знают, как именно сжимать его ладонь. Как будто она держала её тысячи раз. Он поднимает голову и видит её.

Она — он.

То есть не совсем. Лицо другое — женское, несомненно, с другими пропорциями, с другой историей морщин и линий. Но что-то в постановке плеч, в наклоне головы, в том, как она смотрит — с тем раздражающим спокойствием человека, который уже знает, что ты скажешь, — это его. Его собственное. Как отражение, которое смотрит на тебя из зеркала другого времени.

У неё его голос.

— Кто ты? — спрашивает он. И сразу понимает, что это неправильный вопрос.

— Ты знаешь, — говорит она. И это правда. Он знает.

Он просто не может с этим жить.

Это другая разновидность невозможного знания — не как пустая ячейка с её именем, а как переполненная: знание, которое не помещается, которое давит изнутри и требует выхода, но не находит его, потому что не существует слов для того, что он знает. Что она — он. Что он — она. Что Фазная Реальность не является ни фазной, ни реальностью в том смысле, в котором эти слова использовались до переименования. Что выбор забыть — это не слабость и не трусость, а архитектурное решение, принятое не им, а — системой. Паутиной. Тем, что Паутина стала в 2089-м, когда перешла в третью стадию.

Облака над ними рывком перелистываются на новый кадр.

— Ты пришёл не за тем, чтобы вспомнить, — говорит она. Не спрашивает — утверждает, с тем же спокойствием архитектора, который смотрит на здание и уже знает, где оно даст трещину. — Ты пришёл за тем, чтобы решить.

— Что решить?

Она молчит достаточно долго, чтобы он понял: вопрос риторический. Он знает, что нужно решить. Он знал это с тысячи девятьсот — нет, с две тысячи сорок первого года, с того момента в коридоре, когда Паутина замолчала и он повернул не туда. Всё, что было после — тридцать девять лет работы, три фазных сдвига, потеря имени, потеря дома, потеря её и обретение снова, снова, снова — всё это было не историей. Это была репетиция.

— Свобода имеет цену, — говорит он. Не к ней — к небу, к рывкам облаков, к траве цвета выключенного экрана. — Я знаю это лучше всех.

— Нет, — говорит она тихо. — Ты знаешь стоимость. Это не то же самое, что цена.

V. Что Паутина шепчет на рассвете

Завтра он проснётся в капсуле.

Он знает это наверняка — так же, как знает форму своего тела, как знает, что кофе в подземном городе пахнет синтетикой, как знает, что расписание начнётся в шесть двадцать три и закончится в двадцать два ноль-ноль, и что Паутина будет шептать его имплантам мягко, нейтрально, без интонации.

Он знает, что проснётся и забудет.

И он знает — а это уже новое знание, острое, как трещина в побелённом потолке, — что в этот раз он не позволит себе забыть. Что в этот раз он запомнит её голос, её руку, её слова о стоимости и цене, её лицо, которое является его лицом из другого времени. Что в этот раз он не повернёт обратно.

Она сжимает его руку сильнее.

Над ними небо листается на следующий кадр — и в паузе между кадрами, в том мгновении полной неподвижности, когда мир держит дыхание, он видит, что за нарисованными облаками — другое небо. Настоящее. Тёмное, без звёзд, без цвета — просто тьма, которая смотрит вниз с тем равнодушием, с каким смотрит на всё, что происходит под ней.

— Я не вернусь, — говорит он. — В этот раз.

— Ты так говоришь каждый раз, — отвечает она. Без упрёка. Без надежды. Просто — факт, тихий, как запись в журнале перемещений.

Он хочет сказать что-то важное. Что-то, что докажет ей разницу между этим разом и всеми предыдущими. Но слова не приходят — только ощущение её руки и запах влажной почвы и понимание, которое приходит слишком поздно и слишком полно: свобода — это не поворот не туда. Свобода — это знать, куда идёшь, и всё равно идти.

Трава под ним — цвета выключенного экрана.

Небо над ним — чужой рукой.

И где-то в подземном городе Паутина уже знает, что он не вернётся, и уже составляет расписание для следующего раза.

— Ты уже был здесь, — говорит женщина с его голосом. — Просто каждый раз выбираешь забыть.

Сегодня он выбирает иначе.

Сегодня он выбирает помнить.

Это страшнее.

Глава 2. 2041. Отказ

I. Человек, который ненавидел часы

Он ненавидел не время.

Это важно понять с самого начала, потому что люди, которым он пытался это объяснить — а таких было немного, и объяснял он редко — всегда слышали что-то другое. Слышали философа, который отвергает линейность. Слышали усталого человека, которому нужен отпуск. Слышали провокатора, который хочет быть интересным на вечеринке. Никто не слышал правды, потому что правда была слишком конкретной, слишком маленькой для большой идеи: он ненавидел именно часы. Физические устройства. Круглые циферблаты, цифровые дисплеи, умные импланты за ухом, сообщающие время с точностью до миллисекунды. Ненавидел с той специфической, почти телесной неприязнью, с которой ненавидят звук чужого жевания или запах определённого мыла — иррационально, неустранимо, навсегда.

Откуда это взялось — он не знал.

Вернее, знал версию, которую рассказывал себе. Он был проектировщиком квантовых материалов — одной из тех профессий, которые в две тысячи тридцатых появились так быстро, что ещё не успели обрасти историей и мифологией. Работа предполагала — требовала — мышление на уровне, где обычные категории времени теряли смысл. Квантовый материал не существовал в одном состоянии. Квантовый материал не двигался от точки А к точке Б по расписанию. Квантовый материал был везде и нигде до момента измерения, и работа с ним требовала способности удерживать в голове одновременно несколько несовместимых реальностей — не последовательно, а параллельно, как аккорд, а не мелодию.

Часы были инструментом мелодии.

Часы говорили: сначала это, потом то. Сначала — потом — потом. Линия, вектор, стрела. А его мышление всё сильнее тяготело к аккорду — к одновременности, к тому состоянию, которое его коллеги называли «квантовым сознанием» с иронией, но без полного отрицания. Часы в этом контексте были не просто бесполезны. Они были вредны. Они напоминали о последовательности в тот момент, когда он пытался от неё уйти.

Но и это была лишь половина правды.

Другая половина жила глубже и была менее пристойной. Он ненавидел часы, потому что часы напоминали ему, что он делает то, что должен делать, а не то, что выбрал. Что время, отмеренное циферблатом, принадлежит не ему — принадлежит расписанию, системе, Паутине, которая в две тысячи сорок первом году ещё только начинала разворачиваться и ещё не называлась Паутиной, но уже была ею по сути: тихая сеть микро решений, которые делались за тебя, пока ты думал, что думаешь сам.

II. 2040: тихая революция, которую никто не заметил

Страна отменила фиксированный график в феврале две тысячи сорокового года.

Не одним законом — серией поправок, дополнений, рекомендаций, которые суммировались в одну идею: человек есть архитектор своей судьбы. Формулировка была взята из манифеста движения «Новая продуктивность» — документа, написанного тремя годами ранее группой нейробиологов, экономистов и дизайнеров, которые утверждали, что фиксированный рабочий день есть артефакт индустриальной эпохи, биологически несовместимый с когнитивными потребностями постиндустриального работника. Мозг не работает по расписанию. Творчество не работает по расписанию. Следовательно — поправки, дополнения, рекомендации.

Компании превратились в идейные социальные группы.

Это была другая формулировка из того же манифеста, и она означала примерно следующее: организация больше не является иерархической структурой с фиксированными ролями и обязанностями — она является сообществом людей, объединённых общей целью, и каждый участник сообщества сам определяет, как именно он будет эту цель реализовывать, в какое время, в каком темпе, в каком порядке. Красиво звучало. И — что важно — работало, в определённом смысле. Производительность некоторых секторов выросла. Удовлетворённость работой выросла тоже, по крайней мере по опросам.

Началась тихая война за умных.

Тихая — потому что велась без деклараций, без официальных конкурентных стратегий, без открытых переговоров. Просто компании — теперь «идейные социальные группы» — начали охотиться за людьми, от которых зависело не количество произведённого, а качество невозможного. За людьми, которые могли придумать то, чего не существовало. За проектировщиками квантовых материалов, в том числе.

Его приглашали семнадцать групп за два месяца.

Он приходил. Смотрел. Уходил.

Не потому, что предложения были плохими — некоторые были очень хорошими, финансово безупречными, с пространствами, которые выглядели скорее, как мастерские художников, чем как офисы, с людьми, которые умели слушать и задавать правильные вопросы. Не потому, что был высокомерным — он не считал себя незаменимым, прекрасно понимал, что на его место придёт кто-то другой, может быть лучше. Он уходил по другой причине, которую не мог сформулировать достаточно чётко даже для себя: все они хотели его формулу.

Решётку сверхпроводника.

III. Сон, который он никому не рассказал

Ему приснилось это три года назад, в январе две тысячи тридцать восьмого, в три часа ночи, что он знал точно, потому что посмотрел на часы сразу после пробуждения — и это был один из последних разов, когда он смотрел на часы добровольно.

Сон был простым.

Он стоял в пустом пространстве — не белом, не чёрном, а каком-то нейтральном, как выключенный монитор, как пространство между мыслями. И перед ним висела структура. Не

нарисованная, не спроецированная — существующая, объёмная, живая в том смысле, в каком живы кристаллы: неподвижные, но организованные по законам, которые важнее движения. Решётка. Он смотрел на неё и понимал — с той ясностью, которая бывает только во сне и которую утром так трудно перевести в слова — что она правильная. Не «интересная», не «перспективная», не «требует проверки» — правильная. Окончательно и бесповоротно, как математическое тождество.

Он проснулся и записал её.

Не формулами — рисунком, как ребёнок рисует то, что видел. Потом формулами. Потом снова рисунком. До рассвета он исписал четыре листа бумаги — настоящей бумаги, которую держал специально для таких случаев, потому что давно заметил, что рука думает иначе, чем пальцы на сенсоре. Утром он посмотрел на то, что получилось, и почувствовал два вещи одновременно: что это работает, и что он никому об этом не скажет.

Второе ощущение было более странным и более сильным.

Почему — он не понимал тогда. Понял позже, уже в 2041-м, уже после площади, уже после Веры, уже после того, как многое изменилось. Понял: он не хотел, чтобы формула принадлежала кому-то, кроме него. Не из жадности — из инстинкта самосохранения, который был мудрее его сознательных решений. Формула была частью его — выросла из его сна, из его нейронов, из его конкретного способа думать об одновременности. Отдать её значило отдать что-то, что нельзя вернуть.

Все семнадцать групп хотели именно её.

Они не говорили об этом прямо. Говорили о «синергии подходов», о «совместном развитии теоретической базы», о «коллаборативном мышлении нового типа». Но когда он сидел напротив них и слушал, он видел — с той же ясностью, с какой видел решётку в своём сне — что за всеми этими словами стоит один запрос: дай нам то, что ты знаешь. Дай нам то, что тебе приснилось.

Он уходил.

IV. Площадь

День был серым.

Не драматически серым — просто городским, рабочим, обычным серым, каким бывает погода в марте в городе, где февраль затянулся. Он вышел из очередного собеседования — шестнадцатого или семнадцатого, он уже сбился — и остановился на ступенях. Город жил своей жизнью: потоки людей, беззвучные электрические транспортники, голографические панели над входами в здания, мягкий фоновый гул системы, который был настолько привычным, что его отсутствие замечали больше, чем его присутствие.

Он смотрел на это и думал о свободе.

Не абстрактно. Конкретно: что такое свобода в теле? Ощущается ли она как что-то, или свобода — это только отсутствие несвободы, пустота там, где раньше было ограничение? Он

был, в некотором роде, проектировщиком — и его профессиональный инстинкт требовал конкретики: если свобода существует, у неё должна быть структура. Если у неё есть структура, её можно описать. Если её можно описать, её можно почувствовать.

Площадь была перед ним.

Большая, открытая, с гранитным покрытием, отполированным до той степени, когда камень начинает казаться живым в пасмурную погоду — отражает небо, дышит влагой. В центре — ничего. Просто пространство. Это было необычно: в городе пространство всегда было чем-то занято — скульптурой, фонтаном, голографической инсталляцией, информационным киоском. Здесь — ничего. Просто площадь.

Он спустился со ступеней и подошёл к центру.

Потом лёг.

Не было никакого решения — не было момента «я сделаю это». Тело приняло решение раньше головы, как это бывает с правильными вещами: колени согнулись, спина опустилась, затылок нашёл камень. Холодный — он почувствовал это сразу, несмотря на пальто. Холод шёл снизу, поднимался сквозь ткань, ложился на лопатки, на поясницу, на затылок. Настоящий, физический, не симулированный холод — именно такой, каким должен быть гранит в марте.

Это и есть свобода, — подумал он. Холод.

Не радость, не лёгкость, не распахнутость — холод. Свобода ощущается телом как температура, как физический контакт с тем, что не адаптировано под тебя. Адаптированная среда — капсула, офис, климатизированный транспортник — не даёт этого. Она даёт комфорт, который является разновидностью анестезии. Ты перестаёшь чувствовать мир, потому что мир перестаёт на тебя давить. Ты теряешь границу между собой и окружением — не потому, что стал единым с ним, а потому что оно подстроилось под тебя до полной невидимости.

Он лежал и смотрел в серое небо.

Люди обходили его — он слышал шаги, чувствовал вибрацию в камне. Никто не останавливался. В две тысячи сорок первом году человек, лежащий на площади, не был событием — был данностью, одной из форм реализации нового права на самоопределение. Может, медитирует. Может, сенсорный эксперимент. Может, просто устал. Проходи мимо.

Он думал о формуле.

О решётке из сна, которую он три года хранил в четырёх исписанных листах бумаги в ящике стола. О том, что она правильная. О том, что он не отдаст её ни одной из семнадцати групп, потому что ни одна из них не поняла бы главного: формула не была технологией. Формула была — видением. Способом смотреть на материю, который предполагал, что материя смотрит обратно. Что между наблюдателем и наблюдаемым нет непреодолимой границы, и что правильная решётка — это не та, которая лучше проводит ток, а та, которая меняет наблюдателя в момент наблюдения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.